

Azrubel

(посвящается той земле, что вернула мне Память)

Солнце уже клонилось к западу, когда в ворота дома Амандиля вошли трое посетителей. Богатые одежды одного из них говорили о том, что он принадлежит к нуменорской знати; двое других составляли, по всей видимости, его свиту.

Амандиль поспешил навстречу неожиданным гостям и при виде их предводителя слегка нахмурился. Молодой человек в черно-золотом одеянии – один из советников короля - был ему очень хорошо знаком, но отнюдь не считался его другом.

-Гимилзор! – Амандиль в упор взглянул на пришельца, - чем обязан чести твоего посещения? По-моему, с тех самых пор, как Владыка удалил меня от двора, ты не переступал порог моего дома! Признаться, я не ожидал увидеть тебя вновь!

-Ты не очень-то вежлив, Амандиль, когда видишь людей Короля, - заносчиво ответил молодой советник, - но впрочем, я и не нуждаюсь в твоём гостеприимстве. Меня привело сюда дело!

-Неужто могущественному королю Ар-Фаразону все еще есть до меня дело? – Амандиль саркастически улыбнулся.

- До тебя – сомневаюсь, бывший советник! – Гимилзор сдвинул брови, - а вот до твоих гостей – есть! Наверное, ты еще не забыл, что милостью короля я отвечаю за гавани и всех прибывающих в наш край. Так вот, до короля дошли слухи, что в твоём доме гостит женщина из народа Перворожденных. Когда он поинтересовался этим у меня, я отвечал, что уже очень давно ни одна из гаваней Нуменора не принимала кораблей Перворожденных – они, слава Великой Тьме, перестали тревожить наш край. Разреши-ка мне эту загадку! Амандиль – все еще Лорд и родственник Короля. Адунаим могут испытывать к кому-либо неприязнь, но не опустятся до того, чтобы выражать ее через непочтительное отношение с людьми. Все-таки это не романтические рыцари, a high people.

-Мои гости находятся под моим покровительством, и никому нет до этого дела, - рассердился Амандиль, - и мне неясно, что тебе нужно, Гимилзор! Если ни один корабль Перворожденных не приплывал в гавани, это должно быть в первую очередь ведомо тебе, а не мне! Не понимаю, что желаешь ты узнать у меня!

-Прекрасно понимаешь! – повысил голос советник, - если в твоём доме гостит эльфийка, так будь любезен позвать ее сюда, ибо я прибыл к ней с посланием от короля. Или ты уже осмеливаешься открыто противиться королевской воле?

Амандиль хотел было ответить, как вдруг в зал из внутренних покоев вышла женщина удивительной красоты. Гимилзор взглянул на нее – и замер, пораженный: лицо женщины излучало звездный свет, темные глаза сверкали как два драгоценных камня. Среди своего народа красавица считалась бы высокой, но по меркам Нуменора была она небольшой, тоненькой и хрупкой. отнюдь, эльдар и дунэдайн конца Второй Эпохи примерно одного роста и комплекции

Это была, несомненно, эльфийка

Не самый лучший термин – ибо обладает несколько принижающим смысловым оттенком. «Эльфийская дева», «она, несомненно, была из Старшего Народа» - есть масса вариантов.

- и эльфийка, равной которой не было.

А как же Лутиэн?

Незнакомка меж тем вмешалась в разговор.

- Благодарю тебя за защиту, Амандиль, но право же, мне ничто не угрожает. Не так ли, советник? – взглянула она на Гимилзора. Тот, словно очнувшись от глубокого сна, кивнул.

-Так, госпожа, - ответил он с поклоном, - Владыка Ар-Фаразон приветствует тебя на своей земле, и просит погостить в Арменелосе, и рассказать нам о своем крае. Откуда ты родом – из Блаженного края, Страны Бессмертных?

- Совершенно верно, - эльфийка кивнула, - но я и сейчас уже нахожусь на вашей земле, советник. Так какое же приглашение я должна принять? Тебе поручено отвести меня в королевский дворец?

- Зачем же - именно во дворец? – холодные серые глаза Гимилзора смотрели в упор на гостью Амандиля, - Ты окажешь мне честь, если позволишь присоединиться к словам Владыки, *«владыка» - это Король или Саурон? Если Король, то термин «владыка» несколько отдает деспотизмом, лучше бы использовать «лорд» или «Король»* и остановишься у меня. Я богат, госпожа, у меня несколько домов, ты можешь выбрать любой из них. Один из них находится на главной площади Арменелоса, в нем я и живу, есть еще дом моих родителей, он сейчас пустует, есть небольшой дом и у самого моря. Слово за тобой!

-Но ведь ты даже не знаешь моего имени, советник, - глубокий бархатистый голос эльфийки отдавался в ушах у Гимилзора, - и потом, кто же предлагая свое гостеприимство, берет в помощь стражников? – она кивнула на спутников молодого нуменорца.

И то верно – в Нумэноре было бы достаточно честного слова, что человек действует «именем Короля». Что можно не подчиниться прямому приказу Короля, переданному с доверенным лицом, даже Верным не пришлось бы в голову. Хотя «тихие» нарушения законов, конечно, бывали.

- Не мне неволить тебя, госпожа, - голос Гимилзора вновь стал заносчивым, - но в наших землях не принято противиться приглашениям Владыки или его воле. Что до стражников, то это всего лишь моя свита, и тебе незачем их опасаться. А имя твоё я желал бы услышать.

При этом вопросе женщина бросила быстрый взгляд на Амандиля, что не укрылось от внимания Гимилзора.

- Мое имя Дазлин, - ответила женщина, - и раз уж меня столь настойчиво приглашают погостить, я принимаю предложение советника... - и она вопросительно взглянула на нуменорца.

-...Гимилзора! – улыбнулся тот, - рад приветствовать тебя, госпожа Дазлин! И думаю, ты не откажешься рассказать мне, как именно попала ты в Нуменор, ведь уже много лет ни один корабль Перворожденных не заходил в наши гавани. Или мне ведомо не все?

Не все – из текста «Палантиры» следует, что корабли втайне приплывали к Верным вплоть до времен Элنديля (Палантиры – подарок именно Элنديлю), так что Дазлин совершенно незачем скитаться по всему Нумэнору в течение

многих лет. Тем более что более безопасного места для эльфа, чем у Лорда Верных, найти было бы непросто.

-А я уже давно здесь живу, - улыбнулась эльфийка, - должно быть, тебе ведомо, советник, что жизнь эльдар гораздо долговечнее вашей! Это в доме Амандилия я появилась недавно, а так я здесь... о, много-много лет по вашему счету!

На это Гимилзор не нашелся, что ответить. Он еще и еще раз прокручивал в памяти утреннюю беседу с Ар-Фаразоном. Сначала Владыка никак не мог поверить, что корабли Перворожденных не приплывали и упрекал его, Гимилзора, в нерадивости;

Вполне справедливо.

затем решил, что эльфийский корабль мог остановиться на рейде в море, и эльфы приплыли сюда в маленькой лодке; а вот что эльфийка могла незамеченной жить среди нуменорцев, даже в голову ему придти не могло. *И зря – эльфы внешне мало чем отличались от нумэнорской молодежи, разве только мудрее были, но это легко скрыть.*

Во всяком случае, он поручил советнику разобраться, откуда в доме Амандилия взялась эльфийка, и в голове его тогда же возник хитрый план: вывести у эльфов их тайны.

На кой шайтан сдались Королю Людей тайны эльфов? И какие тайны, полезные людям, вообще можно вывести у эльфа?

«Только тебе, Гимилзор, я доверяю, - промолвил тогда Ар-Фаразон, - хотя ты – самый молодой из моих советников, ты теперь родня мне по крови, муж моей племянницы.

Причем тут родство по крови? Это родство по закону, а по крови было бы, если бы сам Гимилзор был племянником Короля.

Ты и твои предки преданы королевскому дому уже много веков, и тебя не коснутся чары этих эльфов. Если эта эльфийка существует, найди ее; окажи ей гостеприимство. Посели ее в своем доме, завоеуй ее доверие и расположение, и узнай все про страну Бессмертных: дорогу туда, *Она и так прекрасно известна.*

число их кораблей,

Эльфы никогда не вели морской войны и корабли не вооружали. Этот вопрос был бы интересен только как информация о размере возможного десанта на Остров, но этот вопрос вряд ли интересовал Короля, уверенного в своем полном превосходстве на море.

возможности их магии.

Прекрасно известны по хроникам Бэлериандских войн – отсутствуют как факт. В лучшем случае – маскировка, и то магией это вряд ли можно назвать.

Раздобудь мне эти сведения, чего бы это ни стоило!»

И сейчас, не в силах оторвать своего взгляда от прекрасного лица Даэлин, Гимилзор силился понять, как такое возможно: «много-много лет» должны были бы сделать ее старухой, но лицо эльфийки молодо и прекрасно, словно ей двадцать пять лет по человеческому счету.

Я, конечно, понимаю, что нумэнорец должен выглядеть дураком, но не настолько же! Для него существование эльдар – объективный факт бытия, а не легенда и не религия.

Хотя он был наслышан о бессмертных и понимал, что если эльфы живут вечно, то и выглядеть должны гораздо моложе людей. Очнувшись от своих дум, он заметил, что и Даэлин разглядывает его. 30-летний советник был темноволос, строен и высок даже по меркам нуменорцев, его серые искристые глаза сводили с ума придворных красавиц.

В 30 лет нумэнорец считался почти ребенком. Такому в Совете Скипетра не место – рановато еще. Вот лет в 60-70 – еще куда ни шло. (Жили нумэнорцы тех времен лет по 120-140, Дом Эльроса – еще дольше).

Одевался он пышно и нарядно, и черный дорожный плащ за его плечами украшала широкая золотая кайма.

-Могу я поинтересоваться, куда ты отведешь меня? – спросила между тем Даэлин, - ты говорил о каких-то домах?

-Да, у меня три дома, госпожа, - кивнул советник, - ты можешь остановиться в любом из них, в каком ты пожелаешь. Я и моя жена Айрэн *Не адунаикское имя. Невозможно, чтобы такое имя носила супруга человека Короля. Непатриотично.*

будем рады предложить тебе любые покои своего дома, но если ты предпочитаешь уединение, то дом моего покойного отца ничуть не хуже, он столь же велик и просторен, как и мой!

-Но, если я не ошибаюсь, ты говорил что-то о доме на берегу моря?

- Это небольшой дом, госпожа, приданое моей супруги. Да, он действительно находится на морском берегу неподалеку от гаваней, и если тебя заинтересует он...

-Пожалуй, именно он, - задумчиво протянула Даэлин, и Гимилзор согласно кивнул. Она обернулась к Амандию и его сыновьям, присоединившимся к отцу во время их беседы с советником.

-Ваш дом был для меня гостеприимным и добрым, - голос ее стал грустным, - но теперь пришло время мне постичь и королевское гостеприимство...

- Госпожа, если вы желаете остаться у нас, вам достаточно только сказать об этом, и советник покинет наш дом! - вырвалось у Элендила, сына Амандия.

Как мне кажется, Элендиль не обладал вспыльчивостью характера. Такого поведения стоило, возможно, ожидать от Исильдура.

- Твой сын оскорбляет меня, - надменно вскричал Гимилзор, *Несколько раз попытался «надменно вскричать». Не получилось. Может, лучше сказать «холодно произнес»?*

повернувшись к Амандию, - Я пришел сюда не арестовывать вашу гостью, а пригласить ее к себе. Даю свое слово, что ей ничто не угрожает!

-Я верю тебе, советник Гимилзор! – промолвила Даэлин, чтобы прекратить споры, - и я иду с тобой!

Когда Гимилзор и Даэлин покинули кров Амандия, солнце уже почти скрылось за горизонтом, прощальным лучом щедро позлатив крыши белого града Арменелоса.

Дом лорда Амандиля, в котором он постоянно жил, находился в Ромэнне. И оттуда до Армэнэлоса идти долго, пешком не добраться. Кроме того, Армэнэлос находится к востоку от Мэнэльтармы, следовательно, западный горизонт был скрыт за горами.

Один из стражников Гимилзора нес с собой небольшой серебряный сундучок – все, что эльфийка пожелала взять с собой. Советник втайне наблюдал за ней: ее хрупкую фигурку окутал фиолетовый плащ, темные волнистые волосы охватывал тонкий серебряный обруч. Она не пыталась скрыться от него, не применила чар, и вообще без страха взидала на советника великого Ар-Фаразона. Как ему казалось, он завоюет ее расположение. Непременно завоюет.

То ли он дурак, то ли у автора цель его дураком выставить, вместе с Королем. Ежу понятно, что если Дазлин прожила в Нумэноре несколько лет, она прекрасно знает о том, каково отношение людей Короля к эльфам. Ожидать после этого доверия от эльфа – верх глупости.

Нет, я, конечно, понимаю, что для того, чтобы показать, что один персонаж мудрее другого, существует два литературных приема: либо сделать одного персонажа ОЧЕНЬ мудрым, чтобы другой на его фоне казался тупее, либо сделать другого ОЧЕНЬ тупым, чтобы другой на его фоне казался умнее. Интересно, почему ты избрала именно второй путь?

* * *

Дом Гимилзора за белым каменным забором - двухэтажный, с большими окнами-арками, выходящими на море совсем не производил впечатление «маленького».

Армэнэлос – не приморский город. Окна дома там могут выходить на море, если только дом стоит на довольно высокой горе.

Вот внутренний дворик, вымощенный черной плиткой, действительно был невелик. Дазлин, вошедшая вместе с хозяином дома, с интересом оглядела как двор, так и внутренние покои. Главная комната, вернее, небольшой зал, весь сверкал и сиял: стены его украшала черная и золотая плитка с тонким орнаментом. Мебель блестела золочеными спинками сидений; с высокого потолка свисали золотые и серебряные светильники, а пол покрывал великолепный ковер, и ноги пришедших утопали в густом его ворсе.

Дом, несомненно, был великолепен, однако от внимательного взора советника не укрылось некоторое равнодушие, с которым эльфийка взидала на нуменорское убранство. Из всей обстановки только белое окно было удостоено ее внимания - оттуда открывался удивительно прекрасный вид на море.

Гимилзор выступил вперед:

- Госпожа Дазлин, я прошу тебя быть гостьей в этом доме. Сам я бываю тут редко - только когда инспектирую гавани. В доме двое слуг, это Замин – она готовит еду и убирает, и Ревер, ее супруг – он ухаживает за садом и сторожит дом. Я оставлю еще своего стражника Аратана – он будет сопровождать тебя, если пожелаешь отправиться куда-нибудь.

Ревер и Аратан – не нумэнорские имена. Первое вообще невесть откуда, а второе – явный квэнья.

-Благодарю, советник, - кивнула Дазлин. Та непринужденная грация, с которой она принимала его подарки, открыла Гимилзору, что она привыкла к высокому положению и поклонению.

Вообще-то непринужденная грация всем эльфам свойственна. На людской взгляд, конечно. Может, сами эльфы и могут отследить оттенки, но не человек, видящий эльфа впервые.

-А также хотел бы предложить вот что, - продолжал нуменорец, - я слышал, что наше убранство не всегда по душе эльфам. Я не знаю, как выглядят жилища вашего народа, но поскольку сам же настаивал на том, чтобы оказать тебе гостеприимство, то готов позвать лучших мастеров, и они сделают эту комнату такой, какой ты пожелаешь ее видеть. Как я уже говорил, я богат, и могу позволить себе доставить удовольствие госте.

Даэлин с интересом взглянула на Гимилзора.

-Право же, это слишком, советник! Да и если я захочу изменить в твоём доме что-либо, это может не понравиться уже тебе.

- Мне понравится, уверяю тебя. Это не единственные мои чертоги, и я очень хотел бы увидеть, как выглядят эльфийские покои!

-Что ж, за это благодарю особо, - во взгляде Даэлин появилась неожиданная нежность, - очень приятно встретить такую заботу о себе. Тогда дай мне неделю, и мне понадобятся... позволь, значит, так...

Когда неделю спустя Гимилзор посетил свой дом, он не узнал его главной залы. Стены покрывали изящные гобелены, из дальней стены бил фонтан, и чистая прозрачная струя стекала в небольшой водоем; окно оплетали ветви какого-то вьющегося растения, а белые колонны были украшены цветами, обвивавшими их. Только ковер и светильники остались в комнате от ее прежнего убранства. Первые минуты Гимилзор не мог придти в себя от изумления: потом громко расхохотался.

На смех появилась Даэлин в серо-серебристом искрящемся платье. Она радостно улыбнулась ему.

-Мастера закончили работу только сегодня. Наверху я все оставила по-прежнему, советник. А вот родник, протекающий по твоему двору, превратился в фонтан... - она вопросительно взглянула на него.

- Знаешь, а мне действительно это нравится, - вдруг неожиданно для себя признался Гимилзор, - ты превратила дом в цветущий сад!

Глаза Даэлин потеплели.

-Ты же хотел увидеть жилище эльфов – я показала его тебе!

-Мне хотелось бы взамен показать тебе жилища людей, - заявил Гимилзор, - если ты окажешь мне честь быть твоим сопровождающим, я покажу тебе наш город. Хотя он наверняка знаком тебе - ты ведь тут давно...

-Я могла видеть не все, и не разглядеть того, что ты считаешь достойным внимания, - наставительно заметила эльфийка, - я знаю Арменелос, и, однако, буду рада увидеть его твоими глазами!

Вдвоем они долго бродили по белым мощеным улицам Арменелоса. Даэлин вновь открывала для себя красоту этого города. Великолепный королевский дворец, огромная площадь с фонтанами, и всюду – яркие диковинные цветы всех оттенков: красные, малиновые, синие! Лишь один раз чело ее омрачилось: когда она увидела круглый храм, строящийся в самом сердце города в честь Темного Властелина. Она отвела свой взгляд, а Гимилзор, догадавшийся о ее истинных чувствах, постарался не докучать ей расспросами. Наоборот, постарался отвлечь ее внимание, указав на большой особняк на главной площади.

- Мой, - сознался он не без гордости, - подарок отца ко дню свадьбы. Отец очень боялся, что дом не понравится моей жене, Айрэн, – она ведь росла в

королевском дворце, как и вся родня нашего короля! Она – двоюродная племянница Владыки Ар-Фаразона!

- Ты любишь Айрэн? – улыбнулась Даэлин.

- Да, - Гимилзор гордо вскинул голову, - она могла бы выбрать в мужа любого принца, но предпочла меня. Мои предки всегда верно служили короне Нуменора. Прошу тебя, посети мой дом, и ты увидишь мою жену!

Ответив ей, Гимилзор призадумался: он как-то никогда не размышлял, любит ли он Айрэн. Принцесса пожелала стать его женой – отец его с радостью сообщил сыну эту новость. Это была возможность приблизиться к королю, позволило войти в королевский совет, да притом Айрэн по праву считалась красавицей Арменелоса после королевской супруги Ар-Зимрафели.

Брак по расчету? Редкость для Нумэнора. Даже для позднего.

Айрэн встретила гостью холодно и надменно. Серо-голубые глаза ее отчужденно разглядывали эльфийку; ее с самого начала не радовало поручение, данное ее супругу. Не было понятно, руководила ли ей обычная ревность, то ли в красавице-эльфийке видела Айрэн иную угрозу своему благополучию.

Изящным движением руки Айрэн подозвала служанок, и приказала им накрыть стол. На столе появились фрукты, вино, и сладости.

- Не знаю, что принято есть у вашего народа, - обратилась Айрэн к гостье, - но надеюсь, наша пища тебе понравится.
- Благодарю тебя, - Даэлин слегка склонила голову, - наша еда несильно отличается от вашей, и я буду рада отведать ваши блюда.

Гимилзор между тем переводил взгляд с одной женщины на другую. Обе они были очень красивы, но какие же разные! Красота Айрэн была холодной и совершенной, ее темно-золотые волосы, украшенные золотым венцом, казались единственно живыми у этой высокой статной женщины. Даэлин же была хрупкой и вместе с тем удивительно живой, она словно бы состояла из внутреннего огня, и огонь этот, мерцая, выплескивался из ярких ее зрачков, и даже от темных волос исходило серебристое сияние. Глядя на них, он вдруг подумал, что предложи ему выбрать одну из двух, он затруднился бы с выбором: лед и пламень, совершенная статуя и вечно изменчивое творение тумана...

Айрэн же, как и полагается гостеприимной хозяйке, поддерживала беседу:

Кстати, а сколько ей вообще лет? Если Гимилзору 30, то ей, наверное, 20-25. Это по нумэнорскому счету и вовсе подросток, ей замуж-то еще рановато. Либо же они женаты не более 2-3 лет.

- Слышала я, что вы, эльфы, владеете магией!
- Это правда, - улыбнулась эльфийка, - Кто-то называет это магией, кто-то чарами, я же могу сказать тебе, что это часть нас, такая же, как и склонность мастера к творению.
- А что, к примеру, можешь ты, Даэлин? – в глазах Айрэн появилась жадная заинтересованность.

Дальнейший разговор психологически недостоверен. Разговоры на столь тонкую тему невозможно вести с человеком/эльфом, которого видишь в первый раз и к тому же не особенно доверяешь.

- О, многое! – беспечно ответила та, - могу исцелять, могу творить иллюзии, могу утешать и вселять надежду...
- Это все не так уж важно! – перебила ее аданет, - а скажи – ты можешь с помощью магии даровать власть и богатство?

Тогда уж «нари» - если использовать языки Арды. Адунаик все-таки более уместен, чем синдарин

- Богатство? – удивилась Даэлин, - но ведь ты и твой супруг уже богаты! А власть ты имеешь ввиду королевскую?
- Какую же еще! – в голосе Айрэн появились настойчивые нотки, - я ведь – принцесса Нумэнора, и благодаря мне Гимилзор – один из претендентов на трон после смерти дяди.

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!!! Королем не может быть человек, не принадлежащий по крови к дому Эльроса! Королем мог бы стать ребенок Гимилзора и Айрэн, или сама Айрэн могла бы стать Правящей Королевой, будь она старшей из ближайших родственников Короля, но не сам Гимилзор, сколь бы верно его род ни служил Королю.

Впрочем, теперь и Айрэн не может быть Королевой – по закону Тар-Алдариона, брак принца/принцессы с человеком, не принадлежащем к дому Эльроса, автоматически лишает принца/принцессу права наследовать Скипетр. Так что она согласилась бы стать женой Гимилзора только по большой любви, а у тебя эту персонажищу интересует только власть и более ничего.

Кстати, в Нумэноре не «на трон всходят», а «получают Скипетр» - поскольку именно Скипетр является основным символом Королевской власти.

Дядя, к счастью, бездетен, и...

- Довольно, Айрэн!- перебил жену возмущенный Гимилзор, - ты забываешь, что я принес клятву своему королю, и не желаю нарушать ее! Ты что же, хочешь попросить **такой** помощи у нашей гостьи?
- А почему бы и нет, Гимилзор? – саркастически улыбнулась Айрэн, - эльфам-то все равно! Ты ведь не хочешь, чтобы советник Саурон воспользовался твоей беспечностью, и захватил...

Саурана в Нумэноре называли «Зигур» («Колдун»). Саурон – слово на синдарин, означает «Враг». Кроме того, Зигур действовал достаточно тонко, чтобы нумэнорцы видели бы в нем реальную угрозу власти Дома Эльроса. Мало того, Зигур говорил, что ищет способ продлить Королю жизнь (и под этим «соусом» и храм построил, и армаду в Валинор сагитировал)...

- Простите меня! – светлый лик Даэлин будто потемнел, - я не смогу помочь тебе, Айрэн – моя магия здесь бессильна!
- А научить своей магии меня, чтобы я сделала это сама? – Айрэн не могла скрыть своего разочарования, - видишь ли, я всегда мечтала стать ворожеей, но дядя не любил магов, и был против моего обучения колдовству. А жаль; сейчас уже я могла бы стать королевой!

Вообще-то ворожбе в Нумэноре не обучали никого – по причине отсутствия преподавателей. Разве что в более позднее время, под руководством Зигура, но тут уже Король не имел ничего против.

- Боюсь, что и в этом не смогу помочь, - развела руками Даэлин, - ибо первое правило мага - не ставить себе целью собственное благополучие.
- Зачем же тогда вообще магия? – недоумевала Айрэн, - вы же, эльфы, используете ее себе во благо!
- Благо может быть разным, - наставительно заметила эльфийка, - одно дело – защитить себя от злых сил, и совсем другое – желать власти и богатства в ущерб кому-то!
- Темные силы! – презрительно скривилась аданет, - сейчас ты будешь говорить мне о Едином. Ваш Единый - миф; вы скрываете от нас правду о бессмертии! Скажи, Даэлин, ведь твоя красота –тоже дело магии?

*Надо получить очень дурное воспитание, чтобы разговаривать с гостьей в таких выражениях и с презрительной интонацией. Не думаю, чтобы нумэнорских принцесс воспитывали **настолько** плохо.*

Особенно если учесть, что с гостьей только что поделились глубоко личной информацией о планах по колдовскому устранению Короля.

- Айрэн! – Гимилзор был немало раздосадован вызывающим поведением супруги. Как можно расположить к себе эльфийку, если собственная жена так и норовит неосторожными словами настроить ее против тебя? К немалому его удивлению, Дээлин ответила совершенно спокойно:
- Красота и магия не имеют ничего общего. Мой облик не меняется уже много-много лет.
- Когда-нибудь мы, люди, тоже завоюем себе бессмертие, - заметила Айрэн, будто успокоившись.

Гимилзор поспешил сократить их визит, и предложил Дээлин продолжить прогулку по городу. К его облегчению, эльфийка согласилась, и они покинули хмурую Айрэн. Напоследок она успела шепнуть мужу: «Надеюсь, что дядя оценит по достоинству твою преданность, и приблизит нас; чем ближе мы к трону, тем скорей он будет нашим».

Когда они вышли на улицы Арменелоса, на город опустилась ночь, и в небе зажглись первые звезды. Дээлин подняла голову, и долго взидала на них.

- Ты должна простить Айрэн, - говорил между тем Гимилзор, - понимаешь, она с детства выросла с мыслью, что станет королевой. Она мечтает о троне уже давно... Но ты не слушаешь меня?

Учитывая, что само детство кончилось года три назад?

- Прости меня, Гимилзор, - Дээлин завороченно смотрела на небо, - уже появились звезды, и мне захотелось взглянуть на них. Вот, видишь, над нами горит Валакирка – она прекрасна. Владычица звезд, Элентари, зажгла нам ее, чтобы в сердцах наших никогда не угасала эстель. А ты любишь звезды?
- Не знаю, - пожал плечами молодой нумэнорец, - пожалуй, я смотрю на них как на прекрасное творение, но они не несут мне эстель. Из всех звезд я люблю только Азрубель, ее сейчас нет, она появится и засияет, когда ночь станет клониться к рассвету.

Не «ее», а «его». «Азрубэл» - это «Эарэндиль», то бишь «он». Если очень уж хочется употребить женский род, можно назвать эту звезду «Ротинзиль» - по названию корабля Эарэндиля.

- Звезда Эарендиль – вот как зовем мы Азрубель, - задумчиво протянула эльфийка, - звезда надежды для эльфов и людей!
- Надежды на что? – вскинулся вдруг Гимилзор, - Какую надежду оставили нам, Дээлин? Разве мы равны – люди и эльфы? Вы живете вечно, а нам в таком праве валар отказали! И только Темный Властелин помнит о людях, способен помочь им. Но мы и сами можем взять то, что принадлежит нам по праву!
- У вас нет такого права! – спокойно, чуть грустно, ответствовала Дээлин, - смерть для вас – дар, после чего вы обретете иную милость Единого. Мы же привязаны к этому миру навечно!
- Хороший дар – смерть! – Гимилзор горько рассмеялся, - ты бы согласилась сменить свою вечную жизнь на этот «дар» Единого?
- Мне трудно ответить тебе, Гимилзор. Хотя бы потому, что такой обмен невозможен, даже если мы оба возжелаем того.

- Об этом-то я и говорю! – страстно продолжал нуменорец, - похоже, у людей лишь один путь – завоевать себе бессмертие самим.
- Зачем вам бессмертие? – удивленно взглянула на него Даэлин.
- А вам?
- Разные судьбы у наших народов, - начала объяснять эльфийка, - вы пришли в этот мир, чтобы видоизменить его, чтобы мир жил, развиваясь и совершенствуясь. Срок вашей жизни короток для того, чтобы вы торопились выполнять свое предназначение. Мы же храним мир в его неизменности и неразрывности, храним его красоту и чистоту, а для этого нужны долгие годы. Таковы два наших народа в замыслах Единого!
- Единого нет! – вскричал Гимилзор, - Храм его на Менельтарме ныне пустует, потому что люди поняли, что Единого выдумали валар, помогающие вам.
- Единый есть, - уверенно сказала Даэлин, - и есть он вне зависимости от того, поклоняетесь вы ему или нет. Видишь ли, я здесь давно, и, тем не менее, не могу понять, почему пустует святилище на Менельтарме, и что за храм строите вы у дворца.

Странно. Этой Даэлин явно не хватает эльфийской мудрости, если она не узнала (или не поговорила на эту тему с тем же Амандилем), во что сейчас верят нумэнорцы, и какова в том роль Зигура.

- Вы действительно верите и надеетесь, что Темный Властелин возвысит вас?

Гимилзор молчал. Ему и самому не особо нравилось, что вытворяют Саурон и его приспешники, слишком большое влияние имели они на Ар-Фаразона. Сколько раз предостерегал он короля, говорил о том, что Саурон уже сегодня владеет умами нумэнорцев, а завтра потребует и трона, подозревал он и то, что Темный Властелин преследует лишь свои цели.

Вообще-то за такие предупреждения и подозрения от трона был удален Амандиль. Почему же Гимилзор оказался в ближайших приближенных? Сейчас же он только грустно усмехнулся.

- Говорят, он – единственный, кто не оставил людей!
- Почему же вам не попросить помощи у других валар?

Моргот – не Вала. Эльф Арды не может причислять его к Валар, если только в нем не сильны богоборческие настроения – как в Фэаноре, например. Да и для нумэнорцев понятия «Мулкхэр» (Мэлькор) и «Аваллоим» (Валар) – даже не однокоренные...

- Унижаться перед теми, кто не допускает нас в Благословенный Валинор? – скривил губы Гимилзор, - нет уж, Даэлин! Это Амандиль и его приспешники согласны унижаться, мы же – гордые, и сами возьмем то, что принадлежит нам. И закончим этот разговор!

Даэлин ничего не ответила. Она молча смотрела на звезды, и в душе молила валар о том, чтобы они вернули нумэнорцам их разум. Хотя бы некоторым...

* * *

Утром следующего дня Гимилзор появился у Даэлин с восходом солнца.

- Я иду в гавани, - заявил он, - и хочу предложить тебе сопровождать меня. Даэлин не возразила, и даже обрадовалась возможности взглянуть на корабли. Почему-то у Гимилзора вдруг сжалось сердце: что, если мечтает она о белоснежном корабле из далекой гавани Аваллоне, тоскует о доме? Наконец, он решил спросить ее:
- Ты говорила, что жила в Валиноре. Где именно?

- В Лориэне, - Даэлин грустно улыбнулась, - во владениях валы Ирмо, стране забвенья и снов.
- Ты бы хотела туда вернуться? – он старался говорить безразлично и твердо, но голос все-таки предательски дрогнул.
- Не знаю. Меня там никто не ждет, - ее ответ отозвался радостью в его душе.
- У тебя есть супруг?
- Есть. Только он сейчас в Чертогах Мандоса.
- Мертв, вот оно что! – сочувственно воскликнул нуменорец, - а я недоумевал, как же решился он отпустить тебя сюда одну!
- Нет, всего лишь в Чертогах Мандоса, а это не то, что вы, люди, называете смертью, - задумчиво возразила Даэлин, - он вернется, и я дождусь его возвращения.
- А если вернется он совсем другим? Если не станет любить тебя?
- Таким же, как и уходил, - заметила Даэлин, - его возвращение – только вопрос времени. Но оно у меня есть...

Они шли между тем по прибрежному песку в сторону гаваней. Внезапно Даэлин нагнулась к самой воде, и подняла что-то.

- Это морская раковина, - пояснила она своему спутнику, - подарок Ульмо и Оссе. Если нам действительно благоволит великий Владыка вод, раковина эта не пуста!

С этими словами она приоткрыла створки раковины, и миру явилась редкой красоты жемчужина, бело-розовое переливчатое творение моря.

- Значит, нам действительно покровительствуют силы моря, - обрадовано улыбнулась Даэлин.

Гимилзор между тем с интересом разглядывал жемчужину.

- Такая большая и красивая, - восхищенно заявил он, - у нас на побережье такой жемчуг - поистине редкость. Я знаю одного человека при дворе, у него коллекция необычных жемчужин. Можно будет показать ее ему, и выгодно продать.
- То есть – получить за нее деньги? – Даэлин в недоумении посмотрела на своего спутника.
- Ну да... – и Гимилзору вдруг почему-то очень не захотелось продавать эту находку.
- А что этот человек сделает с жемчужиной? Что есть – коллекция?
- Он поместит ее в шкатулку, завернет в мягкую ткань, чтобы не попортить. И будет ею любоваться.
- Один? Никому ее не показывая?
- Ну, может быть, и покажет тому, кто понимает в камнях, - нуменорец, наконец, понял, что эльфийка недовольна, - а что тревожит тебя, Даэлин?
- Красота создана для всех, Гимилзор. Ее нельзя прятать в шкатулки, ею должно любоваться, восхищаться. Жемчуг же – камень живой. Убери его в шкатулку – и он со временем потеряет свой блеск и силу. Если ты хочешь сохранить его красоту, его надо носить на себе.

Внезапно Гимилзора осенило:

- Что бы вы, эльфы, сделали с этой жемчужиной?
- Дай мне ее, советник!

Миг – и Гимилзор протянул ей ее находку. Даэлин взяла жемчужину, покатила ее на ладони.

- Она похожа на каплю росы, - задумчиво промолвила она, - попроси своего ювелира изготовить из серебра лист древа Тельперион,

В те времена изготовить украшение в виде листа Белого Древа – все равно что публично заявить о своей нелояльности Королю. На такие вещи решались только Верные, и то не всякие.

и пусть его увенчает эта жемчужина, подобная слезе Йаванны.

- Быть посему, - решил Гимилзор, - а какое украшение хочешь ты создать?
- Брошь, которой скрепишь ты свой плащ!
- Так это ... для меня? - взгляд нуменорца потеплел.
- Для тебя, - подтвердила эльфийка, - ибо хоть ты и предпочитаешь золото серебру, но мир неполон, если в нем наряду со светом Анара не будет сиять серебристый Исиль. И подарок Ульмо будет напоминать тебе об этом!

Между тем они продолжали свой путь, и вот их взору открылась одна из великолепных гаваней Нуменора – Андуниз.

Я маленько запутался. Ты смотрела карту Нумэнора, когда писала рассказ? Такое впечатление, что ты думаешь, что Остров можно пройти за день от западного побережья до восточного...

Кстати, главная гавань Острова – Ромэнна (Азулад)

Первые лучи восходящего солнца играли на золотисто-красных парусах, снастях и реях прекрасных крутобоких черненных кораблей – Нуменор по праву гордился своим флотом.

Завидев королевского советника, ему навстречу сразу же поспешил Аббатарик

«Опора Арды»? Имя с претензией... ☺

– тучный немолодой человек, смотритель гаваней. Гимилзор дождался его вежливого поклона, сам же слегка склонил свою голову в знак приветствия. Эльфийка с интересом наблюдала за этими придворными манипуляциями.

- Подожди меня, Даэлин, - вполголоса проговорил Гимилзор, - мы со смотрителем сейчас обсудим дела, и надеюсь, это не отнимет много времени. Даэлин кивнула, продолжая разглядывать корабли. Пока Аббатарик удалился за пергаментными свитками, в которых отмечалось прибытие кораблей, Гимилзор вновь обратился к ней:

- Хороши, не правда ли? Ну, как, похожи они на корабли из гаваней Благословенного Амана?
- Хороши, - кивнула она, - но на корабли Валинора совсем непохожи. Видишь ли, эльфийский флот более легок, изящен, сами корабли не такие тяжелые, основательные...И потом – корабли эльфов белые, а эти черные!
- Ты знаешь число ваших кораблей? – он замер, ожидая ее ответа.

Грубоватый переход от светской беседы к выведыванию информации.

Неубедительно.

- Их много, - беззаботно ответила эльфийка, - ну, скажем, в Альквалонде примерно столько же кораблей, сколько здесь.
- А в Аваллонэ? – вопросы Ар-Фаразона, которые он должен был задать ей, почему-то мучили его, словно он помимо своей воли делал нечто предосудительное.
- Ну, может быть, немного поменьше. Я не считала их. Да и давно уже я не была дома...

Почему-то столь простая мысль поразила Гимилзора: если в Нуменоре Даэлин «много-много лет», то за это время в Валиноре все могло поменяться: кораблей могло стать намного больше, оснастка их - лучше и совершеннее. Даэлин вдруг тихо дотронулась до его рукава:

- Тебе нужно точное число кораблей Валинора? Хочешь, я посчитаю их, и скажу тебе?
- Как это – посчитаешь их? - удивленно воззрился на нее советник, - ты ведь сейчас не в Валиноре!
- Но для этого мне вовсе необязательно быть в Валиноре, - улыбнулась Даэлин, - итак, число наших кораблей превышает ваше на 137 судов!
- Откуда тебе это известно? – против воли в его голосе появился металл. Как понимать ее слова ?
- Можешь назвать это эльфийской магией, советник! – милая улыбка Даэлин чуть не довела Гимилзора до полного иступления. Но советник на то и был советником, чтобы, как все царедворцы, сдерживать свои чувства, и Гимилзор не был исключением из этого правила.
- Хорошо, - кивнул он, - а какова оснастка этих кораблей, и сколько среди них военных?
- Военных? – с недоумением взглянула на него Даэлин, - но в Валиноре нет военных кораблей! Да и зачем они нам?
- Не может быть! – Гимилзор был потрясен, - Даэлин, уверена ли ты в этих своих словах? Быть может, тебе просто неизвестна правда?
- Да нет, очень хорошо известна. Тебе доводилось когда-нибудь слышать о морских сражениях в землях Валинора, советник?

Гимилзор признался, что никогда ничего подобного не слышал.

Странно, что он только сейчас об этом сообразил. Впрочем, если ставится задача изобразить главного героя тупицей...

- Валинор не воюет, - заметила Даэлин.

Гимилзора это мало убедило, но в это время вернулся Аббатарик, и двое мужчин занялись изучением свитков. Поэтому когда, некоторое время спустя Даэлин и молодой нуменорец продолжили свой путь по морскому побережью, Гимилзор постарался вернуться к прерванной беседе.

- Валинор, может, и не воюет, зато наши корабли готовы к войне, - гордо вскинул он голову, - и, если она начнется, то надеюсь, Ар-Фаразон назначит меня командующим флотом. Я – неплохой стратег, учился этому искусству, и имею достаточно влияния для того, чтобы довести флот Нуменора до Благословенного края. Правда, у нас пока не столько кораблей, сколько имеют ваши гавани, но ты можешь сама убедиться, что наши верфи не пустуют, и сейчас строятся все новые корабли. У нас будут неплохие шансы выиграть это сражение!

Напутано с хронологией. Идея завоевания Валинора возникла после постройки храма, а не во время таковой. А вообще разговор хорошо получился, разве что Гимилзор несколько резковат в высказываниях. Да и Амандиль отплыл существенно позже постройки храма.

- Если оно вообще когда-либо состоится, - насмешливо возразила ему Даэлин.
- Я думаю о своей родине, Даэлин, - в голосе Гимилзора прозвучали запальчивые нотки, - о людях, которые должны обрести надежду увидеть лучшие земли, и вместе с тем - бессмертие и вечное блаженство. Ты же сейчас всего лишь жалеешь эльфов, которым придется поделиться своими дарами со всеми остальными, и потому возражаешь мне!
- Отнюдь не потому, советник, - вдруг с неожиданным для нее жаром возразила Даэлин, - пойми же, что я просто не верю, что Валинор пожелает воевать с вами. Валинор имеет такую силу и вместе с тем достиг такой

мудрости, что будет воевать только по собственному выбору и желанию, а выбирает он обычно мир и покой...

- Ему придется это сделать, Даэлин! Как и всем остальным, у чьих берегов появятся корабли неприятеля!
- Сомневаюсь...
- Почему же? Ты пытаешься сказать мне, что наши корабли подойдут к вашим землям, и нам даже не окажут сопротивления?
- Нет. Я думаю, что вашим кораблям вообще не дано будет увидеть берега Валинора: Благословенный край скроет туман, а Ульмо и Оссе, что ведают морскими путями, отвратятся от вас в столь неблагородном помысле, и пошлют вам бурю, в которой погибнет цвет нуменорского войска. Или ваших воинов по пути в Аман охватит забвение, и они сами повернут корабли вспять... Если же ваши корабли и достигнут Амана, поверь, ничего хорошего из этого не выйдет!

Нуменорец замолчал, обдумывая слова эльфийки. Гимилзор понимал, что ему не лгут – и вместе с тем понимал, что ответить ему нечего! Она же, словно не заметив его задумчивости, между тем продолжала:

- А вашему народу нужно думать не о войне, а о том, чтобы сделать свою землю прекрасной. Преумножайте ее богатства, растите сады, вспомните про святилище на Менельтарме и имя Единого. И тогда ваши годы продлятся и без земель Благословенного края. Вы же сейчас свернули с правильного пути, все ваши помыслы обращены лишь к богатству и власти, и потому путь в Аман для вас закрыт!
- Довольно, Даэлин! – советника жег нестерпимый огонь, - путь в Аман был всегда закрыт для нас, разве не так? И о чем же еще мечтать людям, как не о власти? Власть возможно использовать и во благо других людей, разве тебе это неведомо? Ты упрекаешь нас незаслуженно; мне вовсе не затем нужна власть над Нуменором, чтобы наполнить свою сокровищницу – я думаю о людях...
- Если ты думаешь о людях, Гимилзор, то подумай о том, что для них гораздо важнее помнить о собственном предназначении, нежели обрести чужое! – лицо Даэлин стало вдруг печально, - и предназначение людей – совершенство и развитие этого мира. Да, в замыслах Единого век людей короток, но именно потому им предначертано в будущем вершить судьбы мира: созидать, видоизменять, свершать великие подвиги... Вечная же жизнь – удел эльфов, хранителей Земли: живущий вечно не поторопится изменять то, что его окружает – оно просто не успеет наскучить ему...

Он никогда не задумывался над этим. Мысль ее была нова для него, и рождала множество новых мыслей, вопросов, тем...

- Пусть так, как говоришь ты, Даэлин. Только ты забываешь, что бессмертие не смогло бы изменить наше предназначение, если это предназначение предначертано свыше, Единым. Предположим, мы ступили бы на землю Благословенного края и обрели бессмертие. Разве перестали бы мы от этого развивать и преумножать богатства Земли?
- Бессмертными эльфов делает отнюдь не земля Валинора, - грустно возразила Даэлин, - эльфы живут и в Арде, и, тем не менее, дар бессмертия не отнят у них. Потому, даже если бы вы вступили на землю Благословенного края, ваш жребий остался бы прежним. Напротив, земли, где царят вечный покой и достаток, могли бы убить в людях желание что-либо созидать и развивать. Ты не думал об этом, Гимилзор?

Между прочим, Даэлин ошибается. Человек, попавший в Валинор, конечно, не перестанет быть смертным, но получит возможности по своей воле выбирать, в какой момент ему уходить из жизни. Так случилось, например, с Фродо; майя Мэлиан не может не знать о таком свойстве Валинора. Впрочем, таково свойство не земли Валинора самой по себе, а отсутствия в ней и в живущих на ней деятельного Искажения. Если бы нумэнорцы завладели Аманом, они бы внесли туда свое Искажение и, следовательно, эти свойства бы исчезли.

Он не думал. Земля Бессмертных – и не дарует бессмертия? Неужто это так?

Даэлин тихонько коснулась его руки.

- Гимилзор! Мог бы ты рассказать об этом королю Ар-Фаразону?
- Рассказать – и потерять его расположение? – горько рассмеялся советник, - даже если все так, как ты говоришь, Ар-Фаразон горд и могуществен, он не внимет таким речам, ведь он мечтает о завоевании многих земель! Если я скажу ему об этом, он просто удалит меня из совета, лишит милости, но воли его это не изменит!
- А если не расскажешь, вашей земле грозит неминуемое! – голос Даэлин стал серьезным, - долготерпению валар приходит конец, и я здесь потому и нахожусь, чтобы предупредить Друзей эльфов! Я приняла твое приглашение отчасти потому, что ты – королевский советник, и можешь поговорить с Ар-Фаразоном, предостеречь его...
- Предостеречь против чего? Что должно случиться с Нуменором, Даэлин? Валар пошлют свое воинство и разрушат его?
- Думаю, что ваш остров просто исчезнет с лица земли!
- Такое невозможно, Даэлин! – уверенно заявил Гимилзор, – просто невозможно – и все!

Даэлин быстро взглянула на советника и ничего ему не ответила. Она делала все, что могла для этих людей, но, похоже, ее усилия пропадали втуне.

* * *

Один из дней застал Даэлин и Гимилзора в знаменитых нуменорских садах. Их окружали роскошные яблонево-деревья, отяжелевшие ветки которых с трудом сдерживали золотистые плоды. Даэлин ступала тихо, осторожно касаясь ветвей деревьев; Гимилзор же, как вызвавшийся показать ей эти сады, немало изумлялся, почему эльфийка не идет по гладкой каменистой дороге, пересекающей сад, а предпочитает скользить между густо свисающими ветвями. Тем не менее, он следовал за ней и вдруг невольно ощутил, что идти по земле между деревьев гораздо приятнее и правильнее, чем по проложенным тропам. Он не сказал ей об этом; ему не нравилось, когда ее улыбка становилась снисходительной, он боялся ее иронии. Наверное, чересчур сильно боялся для человека, посланного Владыкой узнавать эльфийские тайны. Впрочем, в этом он и сам себе никогда бы не сознался.

- Я люблю яблони, - восхищалась между тем эльфийка, - они столь прекрасны, сколь и их плоды, словно хранящие для нас свет Анара... Вот, смотри, какие красивые яблоки на этой ветке!

Гимилзор ринулся к ней – и в спешке слишком резко отбросил ветку соседнего дерева, преградившую ему путь. Ветка надломилась, и повисла, отягощенная яблоками...

- Я не хотел ломать ее, - растерялся советник, - это случилось нечаянно!

- Что ж, - Даэлин рассудительно склонила голову, - видно, пришло время показать тебе нашу эльфийскую магию.

Внутренне он всегда сопротивлялся этому; но в тот момент явственно ощутил, что все же посмотрел бы и постарался понять, что же именно делают эльфы.

- Ты сможешь мне, - сказала эльфийка, - вот, держи эту ветку так, будто она и не ломалась. Держи аккуратно, и смотри!

Гимилзор выпрямил ветку и вопросительно посмотрел на Даэлин. Она же протянула свои руки, наложила их на место слома и вдруг, совершенно неожиданно... запела! Голос ее, чистый и сильный, был так прекрасен, что советник короля замер, пораженный, не в силах шевельнуться или отвести от нее взгляд. Ему на миг показалось, что мир как-то неуловимо меняется вокруг них: солнечный свет будто бы образовал кольцо, в центре которого оказалась яблоня и они с Даэлин. Свет становился то ярче, то бледнее, а кольцо стягивалось и становилось все уже, и, наконец, свет стал стекаться к рукам поющей эльфийки.

Вдруг голос ее изменился, стал выше и чище – и свет, выбивающийся из-под ее ладоней сменился с золотого на серебряный. Мелодия стала грустной, зовущей, словно терзающей душу воспоминаниями о безвозвратно утерянном прошлом – и серебро, то яркое, как лунный свет, то призрачно-неуловимое, как туман, окружило их светящимся облаком.

Но Гимилзор не смотрел на серебряные отсветы. Лицо Даэлин, сияющее и прекрасное, было единственной видимой для него картиной. Оно излучало свет; хотелось смотреть и смотреть на него, и, когда песня закончилась, ему показалось, что его вырывают из какого-то волшебного удивительного сна, и пробуждение это печально...

- Ну вот, она и срослась! – заявила Даэлин, и Гимилзор, отведя руки, с изумлением увидел, что ветка не только вновь стала целой – на ее коре не осталось и следа от надлома.
- Что ты сделала? – его удивление не знало границ
- Всего лишь вернула ей жизнь, - пожала плечами эльфийка, - золотой свет наполнил ее своим сиянием и жизнью, а серебряный – срастил ее...
- Ты улыбаешься потому, что я – человек, и не понимаю, о чем ты говоришь? – вспыхнул вдруг Гимилзор.
- Нет, потому, что ты во время моего пения замер и смотрел на меня, как и мой супруг... Он тоже замирал и слушал, как я пою.

«А по-другому смотреть на тебя невозможно!» – подумал Гимилзор, но вслух этого не сказал, промолчал. Она же продолжала:

- Возможно, тебя пугает то, что ты не можешь объяснить себе происходящее, Гимилзор. Ты не владеешь искусством магии, и боишься его, как всего неизведанного и непонятного.
- Я не боюсь, Даэлин! – обиженно возразил советник, - да, мне непонятно то, что ты сделала, но мне отнюдь не страшно! Я бывал в сражениях, и не испытывал страха; не понимаю, почему тебе кажется, что я боюсь.
- Докажи же это, - усмехнулась эльфийка, - давай, я обучу и тебя этому искусству, и тем самым покажу тебе, что ничего дурного в нем нет.
- Но я не эльф, и не умею петь, как ты! – запротестовал Гимилзор, - а потому никогда не научусь исцелять голосом.
- А для того, чтобы исцелять, вовсе необязательно петь, Гимилзор. И необязательно непременно быть эльфом. Просто у эльфов и у людей эта сила действует по-разному. Мне нужен голос, чтобы привести ее в движение. А

тебе достаточно будет возродить свои ощущения, которые ты испытал, когда я пела. Вспомни-ка, что происходило...

- Ты пела, и из-под твоих рук струился золотой свет. А потом свет стал серебряным...
- Вот, об этом-то я и говорю! Ты должен припомнить эти свои ощущения, представить это и искренне пожелать дереву исцеления – и у тебя все получится!

Толкин пишет, что люди и эльфы не могут пользоваться той магией, в виде которой проявляется сила Айнур. Для Айнур волшебство – естественный образ существования, для людей и эльфов – неестественный. Поэтому, если они пытаются заниматься магией, они быстро сваливаются в колдовство – т. е., попадают под власть Моргота.

Гимилзор сомневался; он отнюдь не был уверен в своих магических силах – все и всегда убеждали его, что это искусство запретно и принадлежит миру эльфов; *Миру айнур, вообще-то.*

еще более он не желал, чтобы эльфийка убедилась в неспособности людей к магии и уверилась в преимуществах эльфов. Тогда почему он согласился выискивать вместе с ней другую сломанную ветку? Почему, когда они с Дээлин нашли ее, он испытал радость? Он недоумевал, но не противился.

- Теперь я буду держать ветку, - заявила Дээлин, - а ты накладывай руки и мысленно желай ей исцеления.
- И все получится? – саркастически улыбнулся нуменорец, - с первого раза у меня, совершенно незнакомого с магией? Воистину, вы, эльфы, слишком самоуверенны!
- А ты попробуй! Сначала пожелай ей исцеления, затем представь золотой свет, потом серебряный, и...

Он представил это – и ничего не произошло! Он ожидал неудачи, и вместе с тем был немало разочарован и раздосадован: ни малейшего лучика не пробивалось из-под его пальцев! «Золотой свет!» – повторил он настойчиво, и, однако, все осталось без изменений. Дээлин же ничуть не казалась обескураженной:

- Забыла тебя предупредить, - заметила она, глядя на его огорченное лицо, - что в этом искусстве необходима полная искренность. Вспомни свои настоящие чувства, когда ты смотрел на мои руки... Ты уверен, что правильно вспоминаешь их?

Настоящие чувства? Все очень просто: когда творилась магия, он думал о ней, о Дээлин. О том, что ее лицо излучает свет, о своих несбыточных мечтах, о погружении в волшебную сказку... Ее свет... Он представил себе его, взглянув на нее. Она чуть улыбнулась – и перевела взгляд на его руки. Чудо! Из-под сжатых ладоней пробивался чуть видный светло-золотистый свет.

«У меня получается... Теперь – тот серебряный свет... В ту минуту, когда он появился, я думал о том, что звучит мелодия из далекого прошлого, похожая на песнь Творения. И что вся она, Дээлин, оттуда же – из далекого прошлого...» Бледно-золотой свет его ладоней сменился на туманное серебро; он не знал, можно ли верить собственным глазам, или всему виной ее скрытая магия. Он слегка отвел руки – ветвь под ними на глазах срасталась, но этому сращению будто бы не доставало силы, какого-то заключительного аккорда. Словно бы в подтверждение его немого вопроса она вновь запела что-то тягуче-печальное... Песнь неожиданно оборвалась; ветвь окончательно срослась.

- Не сердись, что я немного помогла тебе? – улыбнулась эльфийка, - видишь, у тебя тоже все получалось, не доставало одного - веры в свои силы. А это – главное: ты хотел помочь дереву, но не верил, что сможешь!

Гимилзор не мог придти в себя от изумления.

- Что ты, благодарю тебя! Так значит, люди тоже могут...
- Не все и не всегда, - голос Даэлин погрузнел, - для исцеления, к примеру, необходима искренность, а люди частенько забывают о ней, заменяя ее другими чувствами. Но ты, к счастью, искренен; ты же сам видел, что ветка вновь ожила!
- Но – ведь Айрэн ты не помогла!
- Если бы Айрэн хотела исцелять или творить, я бы с радостью помогла ей.
- Даэлин, - и тут голос советника стал нерешительным, - а ты можешь помочь, к примеру... обрести душевный покой одному человеку?
- То есть, иными словами – убить в нем любовь? – Даэлин быстро взглянула на своего спутника. Тот молча кивнул.
- Нет! – резко прозвучал ее ответ, - Любовь дал нам Единый, чтобы сделать мир прекрасным, и убивать ее нельзя, какой бы горькой она ни казалась!
- Даже если она безответна и безнадежна?
- Даже тогда, - кивнула Даэлин, - любовь в этом случае дается нам как испытание, которое надо с честью выдержать.

Он согласился с ней – на словах. Но сам при этом подумал, что выдерживать подобное больше не в его силах.

* * *

Это случилось с ним как-то незаметно; он не смог бы назвать день и час, когда понял, что любит Даэлин, и поделаться с этим ничего нельзя. Раньше ничего подобного испытывать ему не доводилось. Он любил, конечно, и свою жену Айрэн, но при этом всегда сознавал, что будь та дочерью простого пастуха, он вряд ли связал бы с ней свою судьбу: его брак с принцессой дарил ему право на трон и честолюбивые надежды на большое будущее.

Даэлин же он любил против своей воли; любил и сознавал, что ничего хорошего эта любовь не принесет, только разрушит его мир и все его замыслы. Эльфийка, из числа его противников, да еще и замужняя? Да, эта любовь приносила ему лишь горечь тяжких раздумий – баловень судьбы, придворный красавец и советник короля, Гимилзор впервые в жизни не представлял себе, что же ему делать. Она вошла в его жизнь так светло и легко, что он даже заподозрить не смог повинную в этом чувстве эльфийскую магию. Даэлин не пыталась его покорить, он знал это: она часто улыбалась ему, радовалась их встречам и прогулкам, но при этом всегда оставалась прекрасной и далекой. Она была открыта для него, и, вместе с тем, совершенно невозможно было понять, как же она относится к нему на самом деле. Умом он понимал, что таковы уж все эльфы: они видят и читают твои мысли, однако не спешат взамен делиться своими. Даэлин просто была рядом – и он благодарил судьбу за каждый день, проведенный в ее обществе.

Все время, остававшееся у него от королевских советов и инспекций, он теперь посвящал ей. Утром они встречали рассветы у моря; днем, скрываясь от полуденного зноя, посещали сады острова; вечером же, когда на небе зажигались яркие южные звезды, они выходили во дворик дома, и их высокие кубки наполняло молодое вино. Нить беседы вела их сквозь долгие вечера – они совершенно забывали о времени. Однако, когда наступала ночь, Гимилзор

неизменно удалялся домой – приличия были превыше всего. Он никогда не демонстрировал ей своих чувств: себе он объяснял это тем, что хранит верность супруге, однако на самом деле панически боялся отказа Даэлин. Да и с чего бы ей любить его, смертного? Она ведь ясно дала понять, что ее выбор уже сделан, и обсуждению это не подлежит. Как-то он все же не утерпел и спросил ее:

- Ты очень любила своего мужа?
- Да, - голос ее стал мечтательным, - это была любовь с первого взгляда. Мы встретились с ним в зеленой чаще леса и первое, что я увидела - его зеленые глаза, а в них была любовь ко мне.
- А если бы тебя так же полюбил смертный? – неожиданно вырвалось у него.
- Смертный? – Даэлин задумалась, - даже если бы я отдала ему свою любовь, это принесло бы нам одни страдания. Любить смертных нам тяжело – поверь, я знаю, о чем говорю.
- Неужто ты любила смертного?
- Не я... Впрочем, довольно об этом! – Даэлин определенно не желала продолжать это обсуждение.

Внезапно его осенило:

- Скажи мне, Даэлин – твое... э-э... настоящее имя?
- Ну, скорее – еще одно имя, выражающее мою сущность.
- «Озерная тень» или «Поющая в тени?»
- Второе значение вернее.
- Настоящее имя ты не назовешь мне?

Она улыбнулась и покачала головой.

Гимилзор понимал, что шансов у него почти никаких. Засыпал он теперь поздно, а просыпался рано – лежал и думал о ней. Вспоминал ее маленькую ручку в своей руке, отпечаток ее изящной ножки на морском песке. Ее шелковое платье, которое облегалось ее стройное тело... Интересно, подумалось ему вдруг, а как и где это платье расстегивается? Но он тут же устыдился таких мыслей: они могли завести его слишком далеко.

Даже в самые худшие времена нумэнорец не мог помыслить, чтобы нарушить супружескую верность. Причем помыслить – не так, чтобы подавлять в себе чувства, а их попросту возникнуть не могло. Это, конечно, ИМХО, но имхо твердое. Вся история людей Запада не знает примеров вторых браков. Хотя несчастливые семьи были в количестве.

Айрэн и так каждый день выговаривала ему, что «из-за этой эльфийской колдуньи он совсем забыл о главном – о троне Нуменора». Только о троне и помышляет, с раздражением подумал он. Она была красива, но власть – вот единственное, что ее волновало.

«И такова будет вся моя жизнь?»

Как-то раз, не выдержав потока горьких мыслей, он тихо оделся и отправился к берегу моря – туда, где они с Даэлин часто гуляли вдвоем. Побережье было в этот час тихо и пустынно, на что молодой нумэнорец и рассчитывал. Он с размаху кинулся на остывший за ночь песок: здесь его никто не потревожит. Он сгреб влажный песок, и, сам того не замечая, стал строить из него башню. «О, небо! Песчаные замки – вот и все, что мне сейчас остается. Основание такого замка зыбко, он того и гляди, развалится. Боюсь, и мои мечты столь же несбыточны!»

Он перевел взгляд на море. Западный берег; отсюда в ясные дни можно было увидеть Аваллонэ, одну из гаваней Благословенного края.

Лет восемьсот назад. С тех пор, как на Нумэнор спустилась Тень, берега Тол Эрэссэа были неизменно скрыты туманом.

«Возможно, мое спасение – именно там, - думал Гимилзор, - я завоюю этот край, обрету бессмертие, стану равным ей и она станет моею. А что я могу предложить ей здесь? Я просил бы ее стать моей женой, не будь Айрэн. Теперь же бросить принцессу и попасть в немилость к ее дяде просто невозможно. А самое главное – Даэлин не любит меня так, как я ее. Значит, придется еще завоевать ее любовь, чего бы это ни стоило».

Он поднялся с песка: уже рассвело, и он сейчас же отправится к ней.

Он удивился бы, если бы узнал, что именно в этот час Даэлин стояла у окна и тоже смотрела на море. Слезы текли по прекрасному лицу; взгляд туманился от набегающей влаги. «Великие Валар, что мне делать? – вопрошала она, - неужто я не в силах спасти его от неминуемого?

Не очень представляю себе Ангела, молящегося Архангелу.

Он горд и честолюбив, и не хочет верить мне, что его земля на краю гибели, и он вместе с ней. Я не смогу взять его с собою в Благословенный Аман, ведь он человек. Телемнар, «серебряный огонь», – так его имя звучало бы у нас.

Отнюдь, Гимилзор переводится на квэнья как «Эленвинго» - «Звездная Пена», м. б. «Звездная Волна». А то, что Ар-Гимильзор записан в хрониках как Тар-Тэлементар – это еще не означает, что был сделан дословный перевод, в конце концов, Ар-Фаразон («Золотой») был записан в хроники как Тар-Калион («Сын Света»).

И ведь воистину – в его глазах серебристое пламя, они так же прекрасны, как у бессмертных. И он, хотя и упрям, но добрый, искренний и честный! Заклинаю вас, Валар, верните же ему разум, чтобы он спасся, если это еще возможно!»

Незаметно подошедшая к ней сзади Замин тихо тронула ее за рукав: «Пришел господин Гимилзор, госпожа!» Даэлин быстрым движением руки смахнула с глаз слезы и повернулась к девушке: «Скажи ему, что я уже иду, Замин!» Когда через минуту она появилась внизу, от недавних слез не осталось и следа, а на губах играла привычная улыбка:

- Рада приветствовать тебя, Гимилзор!

Воистину, людям никогда не понять, что же думают о них эльфы. Пока эльфы сами того не пожелают.

* * *

- Итак, что нового удалось узнать? – в звучном голосе Ар-Фаразона чувствовалась нетерпение.
- Число кораблей Валинора я тебе сообщил, мой король, - почтительно склонился перед владыкой Гимилзор.
- Это-то мне известно. Но ты так и не узнал самого главного – число военных судов, и какова их оснастка?
- Прости меня, мой король, но как я и говорил, эльфийка считает, что среди кораблей Благословенного края нет военных вообще!
- И ты после этого веришь ей? Знаешь ли, Гимилзор, - сегодня король определенно был чем-то раздосадован, - эти эльфы совсем заморочили тебя, если ты смеешь являться к своему королю с подобной глупостью! Раньше за тобой этого не водилось - на тебя так действует эльфийская магия?
- Не исключено, что эльфийка попросту не знает всей правды, мой король!

- Или – хитрит с тобой! – повысил голос Ар-Фаразон, - а твоя задача - выяснить, в чем именно хитрит. Ты же советник, тебе должны быть ведомы все интриги, что плетут враги трона! Благословенный край не так-то прост, чтобы не держать у себя военных кораблей. Иначе - как они отобьются от неприятеля?
- Даэлин убеждена, что неприятель и без того никогда не ступит на их землю. Ибо им покровительствуют Владыка вод Ульмо и преданный ему Оссе, они поднимут бурю, и потопят флот Нуменора.
- Я бы на их месте не очень-то на это рассчитывал. И потом – почему из твоих уст я слышу это слово «владыки» применительно не к себе? Помни, у тебя только один Владыка, и это - я, твой король!

Лордов много. Но Король Людей – один. То есть, к Королю можно применить понятие Лорд, «Бар», но нельзя к Лорду Ульмо применить понятие «Король», «Арун». По-моему, ты зря заставила Ар-Фаразона усмотреть в том оскорбление.

- Я всегда помню об этом, - Гимилзор почтительно склонил голову, но на губах промелькнула быстрая улыбка.

Похоже, Ар-Фаразон успел ее все-таки заметить, потому что голос его стал вдруг суровым.

- Итак, ты обманул мои ожидания, Гимилзор, - провозгласил он, - эльфийка уже месяц живет у тебя, и все, что ты сообщил мне за это время – сведения, которые мы могли бы получить и без нее. Они одурманили тебя, не отрицай! Ты молод и неопытен, я зря доверил это тебе. Иди же, и помни, что я не намерен оставлять свои планы, и найду способ, как узнать у этой эльфийки все, что пожелаю!

Гимилзор, почтительно поклонившись, вышел. Советник был встревожен не на шутку: зная характер своего короля, он мог ожидать от того чего угодно.

Его худшие подозрения подтвердились, когда на следующее утро, придя к Даэлин, он не застал ее дома. Замин, выбежавшая навстречу господину, с тревогой рассказала ему, что час назад эльфийку увела королевская стража – по приказу Ар-Фаразона.

Нуменорец побледнел: что бы это могло значить? Король вызвал ее к себе или арестовал ее? Что, если он обидит ее? Гимилзору стало вдруг очень страшно: Ар-Фаразон отличался гордыней и необузданностью нрава. Даэлин, Даэлин - достанет ли у него силы защитить ее от короля?

Он поспешил в королевский дворец – от побережья до него было не меньше получаса ходу. Впервые Гимилзор пожалел об отсутствии крыльев: ему хотелось нестись стремглав, лететь как птица, как стрела, выпущенная из тугого лука! У него не было никакого плана, как вызвать ее, но тут он впервые поймал себя на мысли, что уже готов обнажить свой меч против своего же сюзерена, *Если именно против Короля – то бред. Конечно, есть ситуации, когда приходится обнажить оружие против слуг Короля – в такую ситуацию попал Исильдур, когда пришел за плодом Белого Древа.*

которому его род служил много веков – только чтобы спасти свою любовь. Впервые он осознал, что любит, любит отчаянно и готов на все, чтобы она была свободна и счастлива...

Стража во дворце почтительно расступилась, пропуская спешащего советника: Гимилзор благодаря королевской племяннице считался чуть ли не родственником монарха, и был вхож к тому в любое время. Однако главный зал дворца с величественным тронном из резного камня, к удивлению нуменорца,

оказался пуст. Стражник у его дверей сразу же доложил советнику, что Ар-Фаразон ушел с эльфийкой вглубь дворца, в свои личные покои.

От этого сообщения лицо советника и вовсе потемнело. Да, от короля такого он уж никак не ожидал! Он вспомнил, что Ар-Фаразон, несмотря на свои годы, все еще довольно привлекателен, вспомнил и то, что собственную супругу Ар-Зимрафель он взял силой.

Чушь. В XII томе написано, что у Фаразона и Мириэль была взаимная любовь еще с юношеских лет, и ради нее они нарушили законы Нумэнора, запрещающие близкородственные браки; впрочем, детей они иметь не рискнули.

«Ничто не красит так мужчину в глазах женщины, как корона!»

Вообще говоря, король любил супругу, и Гимилзор не мог припомнить случая его измены. Но ведь Ар-Фаразону вряд ли доводилось встречать женщину такой красоты, как Даэлин... Картины, одна другой страшнее, проносились перед Гимилзором, пока он одолевал хитросплетения архитектуры дворца: сейчас он сам воочию во всем убедится. «Великие Валар, помогите мне, защитите ее!» – неожиданно для самого себя воззвал он. Это была давно забытая молитва: до сих пор даже в пылу битв ему никогда не приходилось поминать их имен – в бою он так не боялся.

Дверь в королевские покои он распахнул, даже не постучавшись. Они спокойно сидели и разговаривали: величественный Ар-Фаразон и Даэлин, удивительно стройная и юная в своем серебристом платье. Однако острый глаз Гимилзора сразу отметил про себя, что король нарядился в свой лучший камзол из золотой парчи, который надевал лишь по большим праздникам.

Вообще-то в Нумэноре носили туники, а не камзолы, дублеты и ментики...

Его темно-золотые, как у Айрэн, волосы, перехватывал золотой венец. Отметил советник и то, что кресло короля стояло слишком близко от кресла эльфийки, и как быстро король поднялся во весь свой огромный рост при его появлении. Даэлин до появления советника улыбалась королю; он видел, что иногда ее лицо и тело излучали особый свет, и сейчас она тоже светилась. Его появление, похоже, смутило и ее. Видя, с каким явным интересом король разглядывает ее, Гимилзор испытал острое, почти мучительное желание прикрыть ее своим плащом...

- Гимилзор? – голос Ар-Фаразона, звучавший раздраженно, вернул его к действительности, – надеюсь, у тебя есть достаточно важная причина, что тырываешься ко мне во время моей беседы?
- Нет, мой король, – советник решил не хитрить, – просто я решил, что раз уж госпожа Даэлин гостит у меня, я также понадоблюсь тебе.
- Не думаю, – в голосе короля появились насмешливые нотки, – мы с госпожой Даэлин обсуждаем... наши дела, и тебе лучше подождать ее снаружи, дабы проводить ее домой.

Выпроваживая его, король вполголоса добавил: «Делаю твою работу, Гимилзор, что же мне еще остается! Так что иди, и не мешай мне!» И – рассмеялся вслед...

Даэлин освободилась примерно час спустя. Мрачный Гимилзор дожидался ее в тронной зале. Молодой советник шагнул ей навстречу, но тут оба они почувствовали еще чье-то присутствие, и повернулись к другому входу – навстречу им шествовал главный советник короля, Саурон. Весь с головы до ног в черном – единственный из всего Нумэнора он не любил золотых украшений – Саурон остановился и молча уставился на эльфийку. Она же замерла при его появлении и в ее глазах промелькнуло что-то незнакомое Гимилзору. Страх? Растерянность?

Эта встреча была мимолетной, Даэлин, сопровождаемая Гимилзором, покинула зал, оставив там Саурана. Но, как только они вышли из дворца, она не могла скрыть своих чувств:

- Гимилзор, послушай меня! Я говорила с королем, и сказала ему, что в Нуменоре ощущается чья-то злая воля. И теперь я воочию убедилась, чья! Гимилзор, этот Саурон – он не человек. И он очень опасен, поверь мне! Берегись его, это слуга Врага - Темного Властелина!
- На свете нет худшего врага, чем женское легкомыслие! – мрачно ответил советник. И отвернулся.
- Неужели ты сам не видишь, что перед тобой не человек, а приспешник Тьмы, чья сила явно превышает ваши?
- Не человек? А кто же он – эльф? – язвительно поинтересовался Гимилзор.
- Нет, не эльф! Но поверь мне, вы столкнулись с тем, чего попросту не можете понять!

А почему бы и не понять? Гортхаура в Нумэноре помнят. Эрэггионскую войну – тоже. Да и недавний поход Короля на Мордор еще из памяти не изгладился. Так что в Нумэноре прекрасно знали, кто такой этот Зигур. Другой вопрос, что Король наивно полагал, что теперь Зигур его верный слуга...

- Он - обыкновенный человек, хотя и весьма умный, и я не вижу, почему должен верить тебе!
- А почему не должен? Почему вы не хотите уберечься? – в ее голосе слышалось неподдельное отчаяние.

Гимилзор угрюмо молчал: ему нечего сказать ей.

- Да что с тобой? – не выдержала она, - ты словно околдован...
- Околдован - да, только не Сауроном, а тобой! – его горечь не знала границ, - я никогда не понимал эльфов, не понимаю их и сейчас. Ты улыбаешься мне так же, как только что улыбалась королю – чего ты добиваешься, Даэлин?
- Ты говоришь так, будто ревнуешь меня, Гимилзор! Кажется, к тому у тебя нет поводов!

На это он не нашел, что ответить и вновь замолчал. В это время они подошли к дому. Войдя во двор, Даэлин вдруг радостно вскрикнула:

- Гимилзор, гляди-ка, какое чудо! Между камней твоего двора вырос белый цветок нифредиль! Он растет только в лесах, а тут – пробился сквозь камень!

Увидев белый цветок в расщелине между черных плит, советник немного подумал и потянулся за мечом. Эльфийка замерла. Гимилзор поднял меч и... аккуратно расколол плитку.

- Пусть спокойно растет! – сказал он, даже не заметив, как благодарно заблестели глаза его гостьи.
- Ты предпочел цветок камню!
- И предпочту покой мечтам! – отрезал он.

Доведя Даэлин до дому, Гимилзор откланялся: сейчас он хотел побыть один.

* * *

Придя к себе, он застал куда-то собирающуюся нарядную Айрен.

- Ты уходишь?
- Да, к своим родителям. У них сегодня праздник, и ты не должен сопровождать меня! – резко ответила женщина.
- Почему же?

- Потому что я не желаю этого! Развлекайся со своей эльфийской колдуньей, сколько захочешь, а я не привыкла к тому, чтобы мною пренебрегали!
- Айрэн, как ты можешь так говорить...
- Могу – и буду говорить! – Айрэн повысила голос, - кажется, ты позабыл, что всем обязан мне, Гимилзор! Благодаря мне ты стал претендентом на королевский трон, попал в совет, пользуешься дядиной милостью. А чем платишь мне ты? Черной неблагодарностью! Эти эльфы преследуют свои цели, они заморочили тебе голову, превратили в своего прихвостня! И ты забываешь, что если я пожалуюсь дяде, ты лишишься его расположения, и будешь таким же неудачником, как Амандиль, которого удалили от двора!
- Можешь жаловаться ему сколько угодно! Но я не собираюсь из одной благодарности тебе делать то, чего не желаю! – заявил нуменорец.
- Да ты и королем можешь стать только с моей помощью!
- Я не желаю становиться королем Нуменора! – закричал Гимилзор, - ни с твоей помощью, ни без нее. Я не уверен, что хочу править таким народом!

Нумэнорец, презирающий собственный народ? Явление из области фантастики. Впрочем, Королем он и так быть не может.

Даэлин права: весь Нуменор, как и ты, погряз в мечтах исключительно о личном благе, и это уже становится противным!

- Ах, вот как? – глаза Айрэн гневно блеснули, - я вижу, она времени даром не теряла! Так Нуменор тебе теперь не нужен – ты, конечно, мечтаешь отправиться с ней в Благословенный край?
- Уж лучше мечта о Благословенном крае, чем о смерти собственного дядюшки!
- Я не желаю иметь с тобой ничего общего! – вскричала вконец разозленная Айрэн, - не ходи за мной!
- Айрэн!

Но супруга удалилась, даже не обернувшись.

- Вина! – приказал Гимилзор.

Служанка внесла на подносе серебряный кувшин тонкой работы.

- Принеси мне еще два! – потребовал ее хозяин.

Раньше Гимилзор вообще не терпел излишеств и никогда не злоупотреблял этим напитком, но сегодня он жадно опустошал кубок за кубком. Желанного облегчения это не приносило: в душе бушевало пламя. И мысли его потекли в совсем ином направлении...

«Что привлекает женщин? Мужская сила! Сегодня я это видел сам. Ар-Фаразон велик и могуч, и он нравился Даэлин, ее радовало общество властелина. Свою супругу он тоже завоевал силой – и Зимрафель любит его! Меня же Даэлин считает слишком молодым и незрелым, все время меня поучает. Это потому, что я никогда не проявлял своей силы. Что ж: я сделаю так, что она полюбит меня!»

Допив вино, он поднялся и накинул плащ. Он принял решение, и ничто в мире не заставит изменить его! *«И вообще я не понимаю, причем тут какой-то английский профессор!» - сказал Гимилзор, закрывая крышку танкового люка...*

* * *

Была глубокая ночь, когда он переступил порог своего дома у моря. В дверях его встретил сонный Ревер:

- Мой господин? Госпожа Даэлин у себя наверху, по всей видимости, спит...
- Благодарю тебя, сегодня ни ты, ни Замин мне не понадобятся! Можете идти спать!

Ревер усмехнулся и понимающе кивнул, после чего с поклоном удалился. Тогда Гимилзор сорвал с себя плащ, расстегнув брошь в виде листа с жемчужиной (это была та самая жемчужина, которую они с Даэлин нашли на побережье), а затем и верхнее черно-золотое одеяние, оставшись в нижней белой рубаше из тонкого льна.

«Пусть увидит мужчину, а не придворного!»

Поднявшись по лестнице, он настойчиво постучал в ее дверь.

- Открой мне, Даэлин!
- Гимилзор? – в ее голосе звучало удивление, - но ведь уже ночь, довольно поздно для визитов!
- Это не страшно, что ночь, я хочу войти!
- Можешь войти – дверь не заперта!

Многие женщины Нуменора запирали двери на ночь – но не Даэлин! Таковы все эльфы, подумалось Гимилзору. Что же, это даже лучше!

Даэлин сидела на кровати. Масляный светильник горел, освещая ее тонкую фигуру в полупрозрачном одеянии. Увидев ее, Гимилзор замер: сейчас или никогда!

- Почему ты так поздно? – спросила она, - и почему... в таком виде? Похоже, ты изменил черному цвету... Знаешь, белый цвет тебе идет, мне нравится!
- Гимилзор усмехнулся и сорвал с себя рубаху, обнажив свой торс.
- А таким я тебе нравлюсь, Даэлин?
 - Да, - глаза эльфийки с удивлением разглядывали его, - но почему ты решил выяснять это сейчас?! Тебе плохо, Гимилзор?
 - Мне хорошо, Даэлин. И сейчас станет хорошо нам обоим, - сказал он внезапно охрипшим голосом, - не делай вид, что не понимаешь, зачем я здесь!
 - Пришел соединиться со мною на ложе – зачем бы еще?

Гимилзора вдруг охватило смущение. Кровь бросилась ему в лицо.

- Даже не знаю, что меня больше раздражает в эльфах – их снисходительность к людям, или их ужасающая откровенность!
- Зачем ты хочешь это сделать? Может, раньше стоит произнести слова любви? – голос Даэлин был на удивление спокоен.
- Ты не оставила мне выбора, Даэлин! – сорвался вдруг Гимилзор, - я люблю тебя больше жизни, а ты играешь со мной, с моими чувствами!.. Я хочу, чтобы ты была моею, принадлежала мне...
- Но ты женат!
- Так что с того! – с горечью вскричал нуменорец, - Айрэн нужен не я, а власть, трон, корона! Ты совсем другая, моя Даэлин! Давай уедем куда-нибудь – только ты и я, и будем там счастливы!
- Гимилзор, что ты говоришь! Этого не должно быть между нами!
- Но это случится, и что ты сможешь поделать? – в голосе Гимилзора вдруг появилась настойчивость, - ты в моем доме... и в моей власти! Смирись, ты будешь моей сегодня же, сейчас же! Звать на помощь бесполезно: здесь все слуги исполняют только мои приказы.
- А ты – приказы Ар-Фаразона! – Даэлин насмешливо взглянула на него, - и пришел сюда тоже по его приказу?
- Как ты можешь! – вскричал он, - я люблю тебя так, как никого никогда не любил! Не противься же мне, Даэлин...

Он стремительно шагнул к ней и обнял, зарывшись носом в ее темные волосы. Они были мягкие, шелковистые, и пахли цветами и теплой, нагретой солнцем,

травой... Он ожидал сопротивления, и был готов к нему, но его, как ни странно, не последовало. Почувствовав, что она лишь слегка отстранилась, он горячо зашептал: «Не бойся меня, любимая, я совсем не злой. Я не сделаю тебе больно, доверься мне... Я дам тебе счастье!» И вдруг замер: руки Даэлин легли ему на плечи, вызывая дрожь. «Ты мог бы сделать меня счастливой, поверив мне, Телемнар, - прошептала ему она, произнеся его имя на эльфийский манер – но этого не случилось! А сейчас ты желаешь запретного, того, чего я не могу тебе дать, даже если бы хотела. Прощай же, Серебряный!»

То, что произошло дальше, Гимилзор не смог бы объяснить. Тело ее, еще секунду назад живое и теплое, стало исчезать, рассыпаясь прямо под его руками серебряными искрами. В ужасе он отпрянул: искры, повторявшие контуры ее тела, мерцали, оседая на золотистом покрывале. Миг – и они угасли...

Он еще не осознал, что потерял ее. В отчаянии рванул Гимилзор покрывало – оно еще хранило ее тепло. Руки его задрожали, и он в изнеможении упал на подушку. Она почувствовал запах цветов и нагретой травы. И, вдохнув его, советник Нуменора вдруг сдавленно зарыдал...

* * *

- Молю тебя, открой мне, где она сейчас?
- Я не знаю этого, Гимилзор, и не лгу тебе, - вздохнул Амандиль, - и думаю, что нам, смертным, не дано постичь этого!
Амандиль, которого неустойчивый советник разбудил еще до восхода солнца, с удивлением отметил, что вечно надменный и самоуверенный голос Гимилзора стал совсем другим. Столько страстной тоски и отчаяния слышалось в нем, что Амандиль сразу же догадался о его истинных чувствах.
- Но этого же не могло случиться! – взорвался вдруг молодой нуменорец, - я много слышал об их чарах, но это было ни на что не похоже! Она просто исчезла, рассыпалась цветными огоньками! Эльфы такого просто не смогли бы!
- Сбросила оболочку, - вполголоса пробормотал Амандиль, ни к кому не обращаясь. Но Гимилзор все-таки услышал его.
- Сбросила оболочку, говоришь ты? Но эльфам это не дано... Так она не эльфийка? Кто она, Амандиль?
- Она назвала тебе свое имя, и сверх того я ничего не скажу тебе, - вздохнул тот, - если бы она пожелала, то ты бы узнал это от нее. Скажу лишь, что королевой была она велика и могущественна: многие слышали о ней, но немногим удавалось видеть ее и говорить с ней. Будь же счастлив этим: ведь ты, как и я, даже принимал ее в своем доме...
- О Великие Валар! – внезапная догадка озарила Гимилзора, - не может быть! Она... я понял, кто она! Нет, не называй мне ее имя, мне оно ведомо – и теперь не только из преданий о прошлом! Так вот, как она появилась в Нуменоре! Я видел ее, касался ее... Если бы я тогда знал! И она ушла, исчезла, покинула меня!
- Она вольна уходить и появляться когда и где захочет, - заметил Амандиль, - надеюсь, ты не обидел ее?
- Н-нет... – и краска залила лицо молодого нуменорца. Бывший советник понимающе умолк, и больше ни о чем не расспрашивал. Но Гимилзор сам продолжил прерванную беседу.
- Как ты считаешь, она еще в Нуменоре?

- Не думаю, - Амандиль покачал головой, - будь она здесь, она посетила бы меня. Сдается мне, что она вернулась в Благословенный край. Я тоже, подобно Эарендилю, хочу отправиться туда – здесь мне нельзя дольше оставаться.
- А как туда попасть? Ведь нам, смертным, путь туда закрыт!
- Придется пренебречь этим запретом, чтобы добраться до Владык Запада, и молить их о помощи, пока не все потеряно для Нуменора! Быть может, смилуются они, и смягчат свой гнев...
- Но почему ты сообщаем мне об этом? – удивленно спросил Гимилзор, - Ты ведь знаешь, что я служу Ар-Фаразону!
- Более – не служишь! – уверенно сказал Амандиль, - раз упоминаешь в молитвах Валар, а не Темного Властелина!
- Ты угадал, - опустил голову Гимилзор, - я не желаю служить Тьме, не желаю быть приспешником Ар-Фаразона и Саурона! Власть над Нуменором не привлекает меня более, пока души этих людей отвращены от истины! Даэлин открыла мне глаза на многое – жаль, я не слушал ее тогда. Я ведь не знал, что она...
- ...Обладает даром предвидения? – закончил Амандиль, - да, она предупредила нас об опасности, грозящей Нуменору, и надеюсь, сможет рассказать Владыкам, что происходит у нас. Если б я мог увидеть ее перед тем, как она исчезла! Но теперь мой жребий предрешен – я отправляюсь на Запад!
- Отлично, я отправляюсь с тобой! - заявил Гимилзор, - если я буду с тобой, никто не узнает об этом и не успеет нам помешать, ведь гавани ныне в моем ведении, а я для всех – человек короля! Судно должно взять небольшое, чтобы не привлекать внимания стражи – и следующей же ночью в путь!
- Я вообще-то планировал взять с собой троих слуг, - задумчиво сказал Амандиль.
- Значит, возьмешь двоих из них и меня! – настойчиво и горячо заговорил молодой нуменорец, - пойми же, вместе мы доплывем туда, или же вместе погибнем, если нам не улыбнется удача! Поверь, я готов отдать свою жизнь, только чтобы увидеть ее еще раз!
- Ты любишь ее? – улыбнулся Амандиль, и Гимилзор молча кивнул, - но ведь твое чувство безответно!
- Знаю, - вздохнул Гимилзор, - она говорила мне, что и безответная любовь – великий дар Единого, то испытание, которое придется нести с честью. Но я воздаю хвалу Высшим за то, что такое испытание выпало на мою долю!

* * *

Звездная ночь была единственной свидетельницей их отплытия. Попутный ветер надувал парус небольшого корабля, и Амандиль отдавал команды двум своим спутникам.

Гимилзор стоял на носу корабля. Покидая родную землю, ни разу не обернулся он назад, где был богат и счастлив, и лелеял мечту о королевстве. Его взор был направлен туда, за гряды туманов, где за далекой дымкой грезился ему Благословенный край – страна Бессмертных.

То есть – на Запад? Но это невозможно – Амандиль отплывал из Ромэнны (восточная гавань), и собирался повернуть на Запад, обойдя Остров далеко стороной. Гимилзор не мог увидеть на Западе ни гряды туманов, не вершины гор – только берег Нуменора.

Мысленно он просил помощи Ульмо и Оссе, чтобы ступить на землю, которую не желал более завоевывать – только добраться туда, отыскать Лориэн и... Он дотронулся до броши своего плаща, и драгоценная жемчужина замерцала в его ладони, словно отражая лунный свет. Благословение Властителей вод было с ним, а впереди ждала неизвестность.

Он знал теперь, с кем столкнула его прихотливая судьба - и был готов к любым ее поворотам, лишь бы хоть на миг увидеть еще раз бездонный взгляд звездных глаз. Он склонился бы перед ней и попросил простить его за свой порыв. Впрочем, любовь и не знает сдержанности, иначе великие безумства не совершались бы во имя ее!

Красиво, но неубедительно – вроде бы пишешь, что Гимилзор раскаялся, но тут же он у тебя ищет самооправдания. Странно.

Гимилзор обратил свой взгляд вверх, к звездам. Прямо над его головой горел яркий серп Валакирки, и нуменорец впервые почувствовал исходящий от звезд покой и безмятежность: все предрешиено, и все в руках Единого, оставившего всем живущим на земле свой главный дар – веру. А над горизонтом невысоко в небе сияла огромная звезда Азрубель. И сердце молодого нуменорца наполняла эстель...

Мелиан